

Нас всех охватило ощущение падения, потери равновесия. Демиург направил свой посох на озеро, и воздух наполнился силой. Его волосы и одежда лениво плыли, и волны арканы, исходящие от него, искажали воздух, создавая иллюзию, что он был под водой. У меня было впечатление, что что-то огромное пытается убежать от него - озерный Авгера, форму которого я все еще не мог различить, - но затем мир продолжал опрокидываться, пока мы не оказались на земле, и мы не могли упасть дальше, но он все еще продолжал падать и переворачиваться... пока все, все не выскользнуло из фокуса.

Непонимание.

Полное непонимание.

Реальность растягивалась и искажалась, и все мои чувства отчаянно пытались сшить воедино что-то, что придавало смысл происходящему вокруг. Меня обдувал ледяной ветер, но в то же время я задыхался в гнетущем, влажном тепле, как в самый ужасный летний день. В ушах у меня стучала кровь, и все же я каким-то образом слышал бормотание неразборчивых голосов. Ночное небо, которое теперь было подо мной, когда я отчаянно цеплялся за землю наверху, открылось в ослепительном изобилии цветов, которые кровоточили в наших глазах, бросая сцену в яркие оттенки, которые бросали вызов природе и разуму. Перед нами все озеро, казалось, отступало за горизонт, прежде чем спиралью взмыть в небо, как случайный мазок кисти художника.

Когда я прижался к земле, земля покрылась рябью от моего прикосновения. Я мог проследить за волнами, когда они плескались о моих друзей, а также почувствовать страх и смятение, когда рябь их собственной разрушающейся психики достигла и меня. Наши эмоции текли, как вода, образуя маленькие водовороты, которые смешивались в ужасающие новые оттенки и ароматы отвратительного ужаса, когда мы были безжалостно разбиты о зубчатую поверхность неизвестного.

Поверхность неизвестного. Потому что, несмотря на то, как все это было ошеломляюще, какой-то фрагмент моего разума сумел осознать тот факт, что даже сейчас мы только тонули на поверхности. В бесцельном хаосе это осознание было как глоток воздуха. Я ухватился за него и понял, что это было мое чувство арканы, сумевшее дать мне один спасательный круг понимания, чтобы я не исчез полностью в бездумном безумии.

Цепляясь за это ощущение, как утопающий, я осознал, что даже когда мы задыхались на поверхности, под нами лежали еще большие глубины непонимания. Я барахтался в волнах огромного океана и только что опустил голову в воду, чтобы заглянуть в бездонную бездну. Чувство обреченности сжало мою душу в кулак, когда я смутно осознал, насколько я ничтожен перед лицом такой глубокой арканы.

Чем дольше я смотрел, тем тяжелее становилось на душе. Но это было единственное, что давало мне возможность сориентироваться. Мое чувство арканы подсказывало мне, что я нахожусь на "поверхности", и поэтому, даже когда мир вокруг меня развалился, а остальные мои физические чувства отказали, я растворился в аркане - единственной знакомой вещи, оставшейся со мной - и нырнул.

Здесь, под поверхностью, я был не один. Теперь, когда я погрузился в нее, я понял, что океан арканы не был пуст, как это казалось вначале. Намеки на другие движения и сущности давили на меня, и потребовалось много усилий, чтобы попытаться понять смысл того, что я "видел". Демиург, белая-яркая-сила, был здесь, как маяк в темноте. Но он не был смутным, расплывчатым собранием понятий. В океане арканы он был вихрящейся массой намерений, его мысли напоминали роящийся косяк рыб, только здесь рыба могла каким-то образом направлять потоки воды и изменять течения.

Авгера из Шпиля, сплетенный-скованный-поток, тоже был здесь, но вместо маяка, который обеспечивал направление и стабильность, это была пылающая печь, которая угрожала сжечь все, что подходило слишком близко, невыносимо интенсивная, с силой и яростью. Белая-яркая-сила порхала вокруг него, выкачивая маленькие вихри силы и используя их, чтобы сформировать океан арканы.

Большая часть этой формованной силы впоследствии направлялась на другую сущность. Это был озерный Август, необузданная буря. Обращение моего чувства арканы к нему здесь дало мне лучшее понимание того, что он только что сказал мне - что призывать его в такой форме было опасно. Там, где сплетенный-скованный-поток был горнилом кипящего гнева, связанный в месте, это была река магмы. Она текла в соответствии со своей непостижимой целью, и ее необузданная сила сжигала все, что приближалось слишком небрежно, не из злого умысла, а просто в силу своей природы.

И он бежал от Демиурга?

Что бы ни делал Демиург, это заставляло великую реку магмы быстро отступать. Но это сбивало с толку, потому что даже не было похоже, что усилия Демиурга вступали в контакт с необузданной-безграничной-бурей. Его вовсе не прогоняли.

Расстояние здесь почти ничего не значило, но я понимал, продолжая смотреть на поток силы, который Демиург направлял на удаляющуюся необузданную бурю, что подхожу к ней слишком близко. Я отчаянно пытался отступить, но понятия не имел, как. Смутное ощущение моего тела подсказывало мне, что я бесполезно размахиваю руками и ногами, хотя мое сознание все глубже втягивалось в поток силы, вырвавшийся из посоха Демиурга.

Белая-яркая-сила переключила свое внимание на меня. Внезапно на меня обрушился поток его намерений, и в следующее мгновение я обнаружил, что с трудом выпрямляюсь, вдыхая свежий воздух зимней ночи и видя отражение луны на спокойной поверхности озера. Все вокруг меня возвращалось к реальности. Девон издал ужасающий вопль, а затем разразился рыданиями. Линус мягко раскачивался взад-вперед, бормоча что-то себе под нос. Джеррик, стоя на четвереньках, то блевал, то рыдал. Эмилия молча сидела на корточках и смотрела на озеро широко раскрытыми глазами, тяжело дыша. Рядом с ней на спине лежал Кеван, истерически смеясь так, что у меня по спине побежали мурашки.

На ногах остался только Эмброуз. Он тоже смотрел на озеро, но на его лице не было ни непонимания, ни замешательства. Он выглядел очарованным, изумленным... может быть, даже голодным.

Я попытался встать, но волна тошноты захлестнула меня, и я опорожнил желудок на холодную землю. Почему-то это успокоило. Было почти восхитительно приятно снова чувствовать свое тело, даже в агонии рвоты.

Демиург подошел к каждому из моих друзей, которые все еще были недееспособны, его манеры были быстрыми и эффективными, когда он постучал по ним посохом. В моем состоянии сверхчувствительности, только что вышедшем из "погружения" в аркану, я ощутил силу, исходящую от посоха при этом простом жесте. Но его хитросплетения были выше моего понимания, и я не мог понять природу этого плетения. Эффект, однако, был мгновенным. Один за другим они падали на землю без сознания, с выражением облегчения и спокойствия на лицах.

Теперь остались только Эмброуз и я. Демиург подошел и встал надо мной. Мне удалось сесть, хотя мир вокруг меня закружился, когда я посмотрел на него.

- Нет, - прохрипел я, слабо подняв руку в знак протеста, когда он двинулся, чтобы ударить меня своим посохом.

Кончик посоха завис в нескольких дюймах от моего лица, когда он остановился. Его серые глаза скользнули по мне, но я также почувствовал, как что-то коснулось моей аурной-окружающей-вспышки. Это напомнило мне, как меня осматривал озерный Авгера.

- Впечатляет, Кейден, - пробормотал он, выглядя более серьезным, чем когда-либо прежде. - Меньший разум сломался бы.

- Остальные... сломаны? - Говорить было трудно. В горле у меня пересохло, а голос звучал странно и непривычно для моих собственных ушей.

- Почти. Очень близко. Ты спас их одним своим присутствием, даже если и не хотел. Они почувствовали, что ты делаешь, чтобы сориентироваться, и последовали твоему примеру.

- Нас это не остановило... почему?

Он грустно улыбнулся.

- Все их нити ведут сюда, к этому озеру. Я не друг Судьбе, но я не могу идти против нее. Но ты, Кейден, твоя нить не была учтена при шитье. Ты не должен был быть здесь. Но ты был, и теперь гобелен не совсем такой, каким он должен был быть изначально. Ты должен считать это победой для себя и для своих планов.

Эмброуз все еще стоял в стороне, настолько погруженный в свои мысли, что я подумал, уловил ли он хоть слово из моего разговора с Демиургом.

- Эмброуз... как?

- Он еще не совсем вернулся, - сказал Демиург, кивая на озеро. - Он был немного медленнее тебя в развитии своего арканического чувства, но я бы сказал, что сейчас он догнал и даже вырвался вперед.

- Он с... Авгерой?

- Нет, просто наблюдает. Видит его таким, какой он есть на самом деле.

- Вы... прогнали его? Как? Почему?

- Прогнал? - он поднял бровь, открыл было рот, чтобы ответить, но потом передумал. - С тобой не все в порядке. У тебя будет время поговорить со мной, прежде чем вы все поедете на зимние каникулы.

Прежде чем я успел возразить, он коснулся кончиком посоха моего лба.

Молочно-белый шар ухмыльнулся мне. Я почувствовал, как панцирь вокруг меня раскрылся в ответ на его команду, и Авгера Шпиля потянулся внутрь и окутал мою аурную-окружающую-вспышку в успокаивающей ванне покоя и грез.

***

Между бодрствованием и сном я дрейфовал в аркане. Отдаленно я чувствовал, как сплетенный-скованный-поток сшивает что-то вокруг меня и даже внутри меня, соединяя спутанные или потрепанные нити вместе и мягко сплавляя их снова. Пока он работал, он, казалось, гудел от радости.

- Свободный-зрячий-{~?~} встретился с сырой-безграничной-бурей.

- Да... да, я видел.

- Это не было частью Создания-Выбора-Цепи для роковой пятерки и Избранного-Ослепленного-Тюремщика, чтобы встретить сырую-безграничную-бурю. Не так рано.

- Они... они должны встретиться в конце концов?

- Избранный-Ослепленный-Тюремщик должен встретиться. Обреченная пятерка,

необязательно. Но никогда так быстро. {~?~} принудил потоки. Они сплетаются. - Он загудел еще сильнее, посылая приятные вибрации через меня.

- Я понятия не имел. Но мы все чуть не сошли с ума. Я не уверен, что все еще целы. Почему ты счастлив? Я хотел было разозлиться на то, как он, казалось, наслаждается нашей болью, но я чувствовал себя странно оторванным от всего, слишком далеким, чтобы действительно волноваться настолько, чтобы злиться.

- Не надо изворачиваться,- предупредил Авгера. Он потянул за какие-то нити, и я почувствовал укол дискомфорта. - Думай тихо, иначе рискуешь-сломаешься.

Я успокоился, остро ощущая, насколько хрупким я был в его "руках". Через несколько мгновений - или какой-то неопределенный промежуток времени, сказать было трудно, - он заговорил снова.

- Создание-Выбор-Цепи не встречало никаких трудностей со времен сотворения. Приходит Кейден. Свободный, потому что древние-далекие-пауки не заботятся о Кейдене. Зрячий, потому что Кейден может видеть из тени анонимности. И {~?~}, так как Кейден может делать то, что может каждый, или то, что не может никто, или ничего. Сплетенный-скованный-поток беспокоился, что Кейден ничего не сделает. Но теперь... нет, ничего. Это... захватывающе. Это вселяет в нас надежду.

- Ткачи Судьбы все еще не знают, что происходит?

- Теперь, с запутанными нитями, может быть, они знают, что должны посмотреть поближе. Но древние-далекие-пауки не всегда видят все. Паутина огромна. Пауки более обширны и далеки, чтобы иметь всю паутину в поле зрения. Ты замечаешь всех муравьев, когда переступаешь через траву?

Это было и ободряюще, и пугающе, потому что, даже если им потребуется некоторое время, чтобы действительно найти корень своих новых проблем, предлагаемые образы были ясны - если они найдут меня, я буду не более чем муравьем, которого можно раздавить.

- Итак, Эмброуз и остальные встретили необузданную бурю раньше, чем планировали. Как это поможет?

Авгера снова ухмыльнулся мне, и на этот раз, когда он заговорил, его голос прозвучал как эхо моего:

-...даже самый малозаметный момент имеет свою роль в формировании нашей судьбы. Один, казалось бы, несущественный момент может изменить жизнь, а одна, казалось бы, несущественная жизнь может изменить ход истории.

-...это... то, что я написал в своем вступительном сочинении.

- Ранняя встреча с необузданной бурей может помочь, а может и не помочь. Но это совсем другое. Дело не в Создании-Выборе-Цепи. Таким образом, она изменяется. К добру, к худу... кто знает? А теперь спи, {~?~}, и пусть у тебя будет еще много несущественных моментов.

<http://tl.rulate.ru/book/53486/1360344>